

шенность. Качество этих языковых форм отличалось в различных языках. В «Сельмских песнях» Макферсона стилизация осуществлялась посредством архаичных местоимений, инверсий, библеизмов. Фейт стилизовал свою повесть «Алпин» инверсиями и существительными с архаичными падежными окончаниями. Во французском переводе повести, как мы отметили, число стилистических средств, придавших тексту «древнюю» возвышенность, ограничилось. Хотя, основываясь на французском переводе, русский переводчик «Алпина» восстановил степень возвышенности. При переводе среднюю лексику французского текста он переключил на высокую лексику русского литературного языка. Французское «demeure» стало у него «обиталище», «j'ai dit» — «я вещал», «descendit» — «низшла», «fille de la beauté» — «дочь красоты» и т. д. Такое переключение на чаще всего славянскую лексику характерно для русского оссианизма; сам Карамзин стилизовал свои переводы Оссиана с помощью таких славянизмов.³⁰

Стилизация, однако, ограничилась лексикой. На синтаксическом уровне переводчик «Алпина» следовал своему французскому образцу; поэтому инверсии, к которым русский литературный язык XVIII века был очень способен, у него почти не встречаются.

Смысловые ассоциации языковых категорий, употребляемых для стилизации оссианских произведений, отличались в зависимости от языкового и литературного контекста. В оригинале Фейта стилизация с помощью архаизмов вызывала представление неопределенной универсальной древности; в русском культурном контексте конца XVIII—начала XIX века стилизация с помощью славянизмов связывала текст именно с традицией русской культуры, с идеей о ее преемственности и с ощущением ее преимущества по отношению к другим европейским культурам. Посредством семантической насыщенности славянизмов русские переводы Оссиана и оссиановских произведений могли наполняться содержанием, выражающим национальную, русскую, культурно-идеологическую позицию.³¹

Итак, передвигаясь от одного литературного и общественного контекста к другому, произведения Фейта изменялись по форме, содержанию и функциям, изменялись своими возможными общественно-политическими аллюзиями, стилистической направленностью, характером их смысловых соотношений с литературной и языковой средой. В новых контекстах произведения Фейта включились в уже существующие там традиции: стихотворение «Совесть» вошло в русскую традицию гораццианской поэзии, роман «Юлия», повести «Темира» и «Пустынник» — в сентиментальную литературу во французском духе. «Алпин», наконец,— в русский оссианизм. Однако в конечном результате первоначальное своеобразие произведений Фейта оказалось нивелированным.

³⁰ Ср.: Левин В. Д. Очерки стилистики русского литературного языка XVIII — начала XIX в. (Лексика). М., 1964. С. 245.

³¹ Левин Ю. Д. Указ. соч. С. 66, 88–89.